

Предлагаем читателю, только что познакомившемуся с романом Генри Миллера «Тропик Рака», статьи американских критиков, вводящие в мир этой книги и в историю создания ее русского перевода.

П. ВАЙЛЬ, А. ГЕНИС ПО ТЕЧЕНИЮ РЕКИ

История цензурных преследований «Тропика Рака» началась сразу же после того, как книга впервые вышла в 1934 году в Париже. В США опубликовать ее было тогда просто невыносимо, но слух о ней — и соответствующая дурная и заманчивая слава — постепенно добрался до американского читателя. Особенно после того, как в 1944 году американские солдаты оказались в Париже и скупили англоязычное издание «Тропика Рака» на корню. Война всегда способствует порче нравов.

В США знаменитая книга Генри Миллера впервые вышла в 1961 году, что вызвало 60 судебных исков против издателей.

Теперь скандальный роман можно найти в любом книжном магазине, о нем написаны тома исследований, Миллером восхищались такие эстеты, как Элиот и Оруэлл, архив писателя бережно хранится в престижном университете. Тем не менее «Тропика Рака» нет в нашей районной (в Нью-Йорке!) библиотеке, Миллер не упоминается в стандартных учебниках по истории американской литературы, естественно, не изучается в школах. То есть ослепительно дурной славы еще не полностью исчезли со страниц этой книги, хотя сама она изрядно потускнела в читательских глазах. Особенно после того, как от «Тропика Рака» отступилась цензура и плод перестал быть запретным.

Можно сказать, что Миллера впитала в себя американская литература, воспользовалась его открытиями и пошла дальше, отдав должное классическому произведению, но не застряв в нем.

Совсем другое дело с литературой русской, у которой и своего Миллера не появилось и американского не было. И если сегодня мы часто ужасаемся пошлости

любовных описаний в русских книгах, если и сегодня секс в русской литературе существует или в анатомически-заборных терминах, или в виде фигуры умолчания, то отчасти это происходит оттого, что русский писатель и читатель не прошли школы Генри Миллера.

Нет-нет, роман этот никак не может быть отнесен к произведениям порнографическим. Хотя любовь в нем трактуется всегда только в одном, том самом смысле, скабрзность у Миллера имеет мало общего с журналом «Плейбой».

Книга Миллера, которую критики признали главным сочинением в его необозримом литературном наследии, писалась в Париже 20-х годов. В том самом Париже, который сделали своей Меккой добровольные беженцы из обеих Америк.

Смысл этой художественной эмиграции, в которой оказались такие будущие мастера Нового Света, как Хемингуэй или Диего Ривера, до сих пор не совсем понятен. Может, в Париже они искали мост между европейской цивилизацией и своей домашней, еще дикой, но самобытной культурой. В Париж они приезжали не столько учиться — этим занимались их коллеги из прошлого века, — сколько набраться наглости, чтобы взглянуть на родину в целом как на чистый лист, который им предстоит заполнить. И возвращались они домой не раньше, чем приобретали веру и отчаянную решимость отцов-основателей.

В конце концов эти божественные пилигримы и были основателями подлинно американского — в широком смысле — искусства. «...Париж — колыбель для искусственно рожденных. Качаясь в парижской люльке, каждый может мечтать о своем Берлине, Нью-Йорке, Чикаго, Вене, Минске. Вена нигде так не Вена, как в Париже. Все достигает здесь своего апогея», — пишет Миллер.

Париж между двумя войнами был колыбелью, был катализатором, был рассадником и отстойником. Но еще он был как бы революцией. Западная культура вместо штурма своих Зимних дворцов эмигрировала в Париж. Разные способы в достижении одной цели — вырваться из завер-

шенного, окостеневшего порядка жизни в новую, в свободную реальность. В безразличном, грандиозном Париже разноязыкая богема заражалась революционным пафосом переустройства — жизни, искусства, личности. В России рождалось новое общество, в Париже — новые стили, и при всей разнице результатов людей Востока и Запада объединяло типологическое сходство.

«Тропик Рака» — одно из самых ярких проявлений этой бескровной революции. Миллер и задумывал свое произведение как евангелие революции, одно из тех, которыми так богата русская литература начала века. «Это не книга... Нет! Это затаенное оскорбление, плевок в морду Искусству, пинок под зад Богу, Человеку, Судьбе, Времени, Любви, Красоте...», — заявлял Миллер примерно то же, что до него уже декретировал Маяковский «Облаком в штанах» или Эренбург в «Хулио Хуренито».

Генри Миллер ненавидит старый мир с его бессмысленными институтами. Его не столько беспокоит общественная несправедливость, сколько именно бессмысленность разобщенной, механической Вселенной: «Должен быть какой-то другой мир, кроме этого болота, в котором все свалено в кучу, точно это не мир, а свалка». Из мира вынули стержень идеи, веры, и он распался, как часы, на отдельные винтики и шестеренки.

Так Миллер заболел самой отважной, самой опасной, самой безнадежной мыслью XX века — мечтой о новом единстве. Эта революция выросла на художественном идеале единой веры, возвращающей хаосу форму и целеустремленность. В крестовый поход революции Миллер вступил с такими же фантастическими и фанатическими надеждами, как и его русские современники. Революции, понимаемой как эволюционный взрыв, одушевляющий космос, воскрешающий мертвых, наделяющий разумом все сущее — от звезд до минералов. В ряду яростных и изобретательных безумцев — Циолковского, Платонова, Заболоцкого — Миллер занял законное место: он построил свой вариант революционного мифа.

В те времена, в мире без Сталина и Гитлера, потребность в мифе еще не была скомпрометирована государственной формой мифа. Человек 20-х годов жаждал одного ответа на все вопросы (разных ответов хватало и без этого). Он страдал от внешнего разнообразия, не связанного общим смыслом. Его не устраивали иные христианские истины, которые просвещение, разрушив мистику, превратило в нравственные протезы. Начало XX века поставило общую для всей культуры задачу — создать новый миф, новую Библию, новый синтез и как следствие — новую личность. Наверное, поэтому, ввиду грандиозной, но так и не возведенной Вавилонской башни духа, люди тех времен с такой легкостью расставались с банальными добродетелями прошлого — с гуманизмом, свободой, демократией. Для них все это выродилось в благотворительность, полицию, парламент. XX век с готовностью принес в жертву век XIX. Об этом замечательно написал Синявский: «Хорошо быть добрым, пить чай с вареньем, разводить цветы, любовь, смирение, непротивление злу насильем и прочую

филантропию. Кого они спасли? что изменили в мире? — эти девственные старички и старушки, эти эгоисты от гуманизма, по грошам сколотившие спокойную совесть и заблаговременно обеспечившие себе местечко в посмертной богадельне».

XX век родился максималистом, и его не устраивали скромные радости буржуазной души. Что из этого получилось, всем известно. Но не об этом речь. Мы говорим о мифе, в строительство которого включился и Генри Миллер.

«Тропик Рака» — дерзкая попытка создания обобщенной картины вселенной. Это космологическая фантазия, которую автор набрасывает в страшной спешке, торопясь до конца воплотить на бумаге свои метафизические пророчества. Полуневнятное, полубезумное, косноязычное и противоречивое полотно, на котором без всякой логики возникают образы, порожденные экстазом.

«Тропик Рака» можно сравнить с витражами Шагала, где в хаотическом, абстрактном сплетении света и цвета вдруг проглядывают ангел, еврей, корова, космос. Следовать за Шагалом, как и за Миллером, можно, только полностью положившись на авторское чутье. Художественная логика приходит тут в драматическое противоречие с художественной интуицией. Картина мира размыта, неопределенна, туманна. И все же сквозь текст проступает какое-то космическое образование, тень того мифа, который Миллер предлагает своему времени.

«За мелочностью, хаотичностью, бессмысленностью жизни Матисс видит не видимую другим архитектуру», — пишет Миллер, прозрачно намекая, что и он знаком с этими загадочными законами строительства бытия.

Конструируя (лучше — рождая) собственную вселенную, Миллер ощупью находит дорогу к кардинальному образу своей мифологии. Из его сомнамбулического речитатива помимо всякого сюжетного материала вытягивается цепочка первоэлементов жизни.

Он далеко не сразу находит нужное. Отсюда бесконечные в книге перечни, списки деятелей, примет действительности, прейскурант бытия: «Таня — это лихорадка, стоки для мочи, кафе «Де ла Либерте», площадь Вогезов, яркие галстуки на бульваре Монпарнас, мрак уборных, сухой портвейн, сигареты «Абдулла», Патетическая соната, звукоусилители, вечера анекдотов, груди, подкрашенные сиеной, широкие подвязки». И так далее целыми страницами. Миллер роется на той самой «свалке», которой ему представляется обесмысленный мир.

Но постепенно из этого неразборчивого бормотания все чаще выделяются образы, способные течь. Миллер незаметно концентрируется на чем-то влажном, жидком, тягучем. «Мысли катятся, как пот». Жена его друга, как «влажная солома». То там, то здесь появляются сравнения с мочой (Миллер не для брезгливых): «Он не перестает говорить, даже когда раздевается, — непрерывный поток теплой мочи,

точно кто-то проткнул ему мочевой пузырь». Окрестности вокзала Сен-Лазар ассоциируются у Миллера с «густыми струями семени, текущими по сточным канавам». Наконец, сама его книга — это тягучий поток сознания.

К финалу Миллер, как бы обнаружив, куда его занесло, признается: «Люблю все, что течет: реки, сточные канавы, лаву, сперму, кровь, желчь, слова, фразы... Я люблю все, что течет, все, что заключает в себе время и преобразование, что возвращает нас к началу, которое никогда не кончается: неистовство пророков, непристойность, в которой торжествует экстаз...»

И кончается книга резюме: «Я чувствую, как эта река течет сквозь меня — ее прошлое, ее древняя земля, переменчивый климат... Течение этой реки и ее русло вечны».

В поисках метафизического образа мира Миллер пришел к Реке. Она обрадовала его своей всепоглощающей и всеобнимающей сутью, своим постоянным непостоянством.

Миф часто оперирует излюбленными стихиями. Ему свойственно мышление предметными образами, выражающими его однозначную сущность. Бывает миф Земли, как у фашистов, или — миф Огня, как у буддистов, у Миллера — миф Реки.

Представление о текущей реальности, лишенной чего-либо твердого, неподвижного, окостеневшего, и есть тот один ответ на множество вопросов, который так лихорадочно искали современники и который предложил им Миллер. Отсюда уже один шаг до жизнеучительства, до проповеди идеального существования: «Я решил отдаться течению жизни и не делать ни малейшей попытки бороться с судьбой... я решаю ни на что не надеяться, ничего не ждать — жить, как животное, как хищный зверь, как бродяга или разбойник».

Кстати, миллеровское «плыть по течению» отнюдь не противоречит идее революционного преобразования. Его Река прямо восходит к «музыке революции» Блока, тоска по которой доводила его до экстаза в последние годы жизни. То, что Блоку явилось в таинственном облике незримой гармонии, разлитой в воздухе времени, в музыке революции, которую он завещал слушать «всем телом, всем сердцем, всем сознанием», Миллер нашел в своей вечной Реке. Растворившись в течении ее, он обретал ту же первичную гармонию мира, ради которой утонченный Блок отказывался от цивилизации (например, в статье «Крушение гуманизма»).

Генри Миллер учил принимать жизнь, пропускать ее сквозь себя, не отвлекаясь посторонними целями, псевдозадачами. Цель жизни — жизнь. «Мы... получаем наслаждение от чего угодно — от энтомологии, от изучения океанов, от исследования строения клетки, — только не от самой жизни...» — поучает Миллер. В его, в сущности, антиинтеллектуальной, чувственной религии нет знания. Куда важнее способность, отказавшись от сознания, слиться с потоком бытия. Как? На это Миллер дает четкий ответ, который и показался неприличным американской цензуре.

Действительно, «Тропик Рака» перенасыщен эротикой. Секс — идефикс для Миллера. Он похож на солдата из анекдота, который думает о женщинах, глядя на кирпич, потому, что он думает о них всегда. Все, что попадает в поле пансексуального мировоззрения автора, снабжается половыми признаками: «У меня между ног бутылка, и я ввинчиваю в нее штопор».

Психологические истоки феноменальной сексуальности Миллера нам неизвестны. (Норман Мейлер как-то написал, что мотивы эти были не психологического, а анатомического характера.) Нас интересует не то, почему герой «Тропика Рака» вступал в связь с бесчисленными героинями книги, а как это занятие вписывалось в его философию жизни.

Тут Миллер особенно подробен и внимателен. Женщина — его любимый предмет. Она — источник его мифической Реки, эпицентр его космологии. В ней он видит персонификацию принципа текущей реальности, живой пример бесконечной череды начал и концов, рождений и смертей. Женщина и есть жизнь, чистое воплощение сексуальности мира. Поэтому и дел-то у нее — «запускать обе руки между ногами и чувствовать себя принадлежащей живому потоку бытия. В том месте, куда она запускала обе руки, и была сосредоточена ее жизнь».

«Этому месту» — воспользуемся редким случаем, когда автор употребил эвфемизм, — Миллер посвятил лучшие страницы книги. Вглядываясь в «это место» с пристальностью, приравнивавшейся к порнографии, Миллер не устает искать сравнений, метафор, а главное — смысла.

«Один взгляд на эту темную незащищенную рану — и голова моя раскалывается от образов и воспоминаний... я вижу в ней знак равенства... мир, сведенный к нулю без остатка... точка опоры, где уравниваются звезды и... мечты... Я хотел бы окунуться в эту расселину до глаз...»

Когда Миллер смотрит на мир не замутненными страстью глазами, он не может отплеваться от омерзения. Но экстаз придает миру облик как раз той самой Реки, которая является автору в его метафизических видениях. Миллер воспевает секс как божественную энергию, которая рождается ниоткуда, сама из себя, из нас. В сексе он видит иррациональную природу человека, залог его способности встать над пустотой обыденности, нырнуть в бессознательную, вечную, космическую жизнь, «плыть, смешав великий образ потустороннего с сегодняшним днем».

Секс — это утопия Миллера, и он находит точные, что случается с ним не часто, метафоры вроде: фаллос — тяжелый и легкий одновременно, «кусочек свинца с крыльями».

О сексе Миллер пишет скорее стихами, нежели прозой. Тут он напрочь лишен цинизма. Напротив, в нем появляется что-то от целомудренных героев немого кино. Миллер, между прочим, всегда отрицал принадлежность «Тропика Рака» к порнографии. Секс был для него жизнерадостной религиозной надеждой.

Как ни странно, в межвоенном космопо-

литическом Париже, в эпоху бурную, революционную и одновременно декадентскую, Генри Миллер, как никто другой из его соотечественников, сохранил свои американские корни. Проклиная родину, называя ее «воплощением гибели», Миллер тем не менее однажды обмолвился о себе: «Неизлечимый оптимист, видимо, одной ногой я все еще в девятнадцатом веке — как большинство американцев, я немного отстал».

В этом смысле «Тропик Рака» лежит целиком в контексте американской литературы прошлого века. Отцом Миллера можно назвать Уитмена, который ставил себе аналогичные задачи: «Физиологию с головы и до пят я пою». У Уитмена есть и прообраз Реки Миллера — «Безграничный, прозрачный фонтан любви — знойный, огромный, дрожь испуга, белоцветный яркий сок».

Дедом Миллера мог быть великий эссеист Ральф Эмерсон, давший Америке образцовую проповедь индивидуализма и чувственного отношения к миру: «Для меня священными могут быть лишь одни законы — те, которые диктует мне моя природа».

И уже совсем в прошлое уходят английские предки Миллера — поэты-романтики вроде Уильяма Блейка. Наверное, многие из его афоризмов часто повторял автор «Тропика Рака»: «Похоть козла — щедрость Бога», «Лучше убить ребенка в колбыбели, чем сдерживать буйные страсти», «Добродетель всегда нарушает законы».

Однако важна не только литературная зависимость Миллера от его родной классики, но и сам дух американской словесности прошлого века. Словесности, замешанной на проповеди пополам с метафизическими аллегориями, литературы, направленной не на эстетику, а на этику, как бы неожиданно она ни преломлялась под пером того или иного писателя.

В определенном смысле Генри Миллер был последним потомком американской революции. В XX век, век совсем других революций, он принес по-протестантски фанатичную веру в индивидуальный путь к Богу. Пафос его книги сродни красноречию негритянского священника во время воскресной проповеди. Та же горячая скороговорка, та же заражающая паству музыка, та же поэтическая гиперболичность речи.

Сейчас, с полувековой дистанции, слегка наивный, часто многословный иногда повторяющий сам себя Генри Миллер поражает нас мощным зарядом энергии. Главная его заповедь отнюдь не нова — жить, открывшись миру, принимать добро и зло в его диалектическом единстве как животворящий источник.

Но философские истины — не накапливаемое знание, их надо каждый раз открывать заново. Но теперь, на закате XX века, мы не без зависти относимся к автору, сумевшему передать нам счастье неопита, только что открывшего человеку путь к счастью.

Г. ПОЛЯК

ГЕНРИ МИЛЛЕР И РУССКИЕ НА ЗАПАДЕ

О русской версии романа

Среди героев «Тропика Рака» мы видим многих русских людей — парижан, эмигрировавших после революции из России. Поэтому не будем удивляться той бурной реакции, которой они встретили роман Генри Миллера.

В свое время князь Степан Татищев прислал мне статью своего отца, из которой выяснилось, что первым из русских в Париже, обратившим внимание на Миллера, был Николай Бердяев — он почувствовал в нем созвучие с «Философией неравенства». «Едва ли существуют две другие книги, — писал позднее Георгий Адамович, — о которых сейчас было бы больше толков и споров, чем о романах Генри Миллера «Тропик Рака» и «Тропик Козерога». По крайней мере во Франции, и не только среди французов, но и среди русских, живущих во Франции, в частности, в здешней русской «культурной верхушке»... В основе этих книг лежит мечта о свободе, да и не только мечта, а чувство свободы, осуществление свободы — свободы от всего решительно, главным образом от истории и исторической необходимости. Не будь Миллер плоть от плоти довоенной монпарнасской богемы, не будь он безумцем знакомого книжно-художественного толка, с цитатами из Андре Бретона и переходами из кафе «Дом» в «Куполь», его свидетельство, его бунт против того, на чем держится строй и порядок жизни, был бы, конечно, богаче и глубже». И далее: «В сущности это бесконечный, непрерывный поток воспоминаний, замечаний, мыслей, сцен, образов — будто автор страдает каким-то мозговым недержанием и пишет для облегчения». «Я человек сложный, небрежный, смелый, пылкий, непристойный, шумный, вдумчивый, совестливый, и я дьявольски искренен», — говорит Миллер о самом себе».

На русском языке «Тропик Рака» впервые был издан в 1964 году тиражом 200 экземпляров. Это издание, по просьбе Генри Миллера, предпринял Барни Россет — в память о русских героях «Тропика Рака».

В 1965 году Россет, набивши чемодан «русскими книгами» Миллера, повез их в Москву, но на таможне их отобрали. Остальная часть тиража сгорела в Нью-Йорке. В результате в мире осталось не более двадцати экземпляров, — они продаются на аукционах как библиографическая редкость.

По подсчетам, которые как-то ради интереса мы сделали с Вагричем Бахчаняном, в Москве было всего три экземпляра романа, обладателем одного из них оказался я.

Напечатанный в журнале перевод «Тропика Рака», возможно, покажется читате-